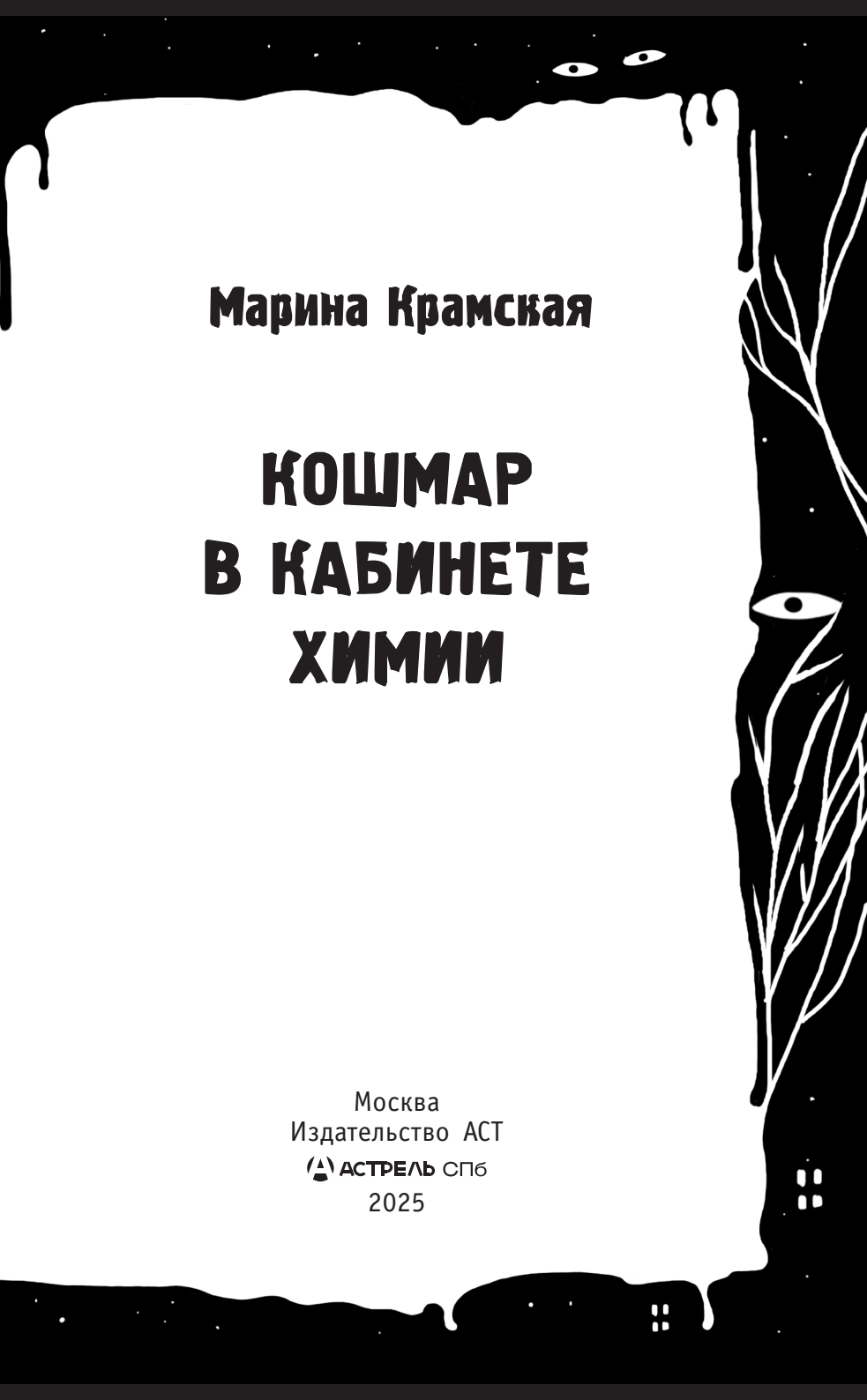

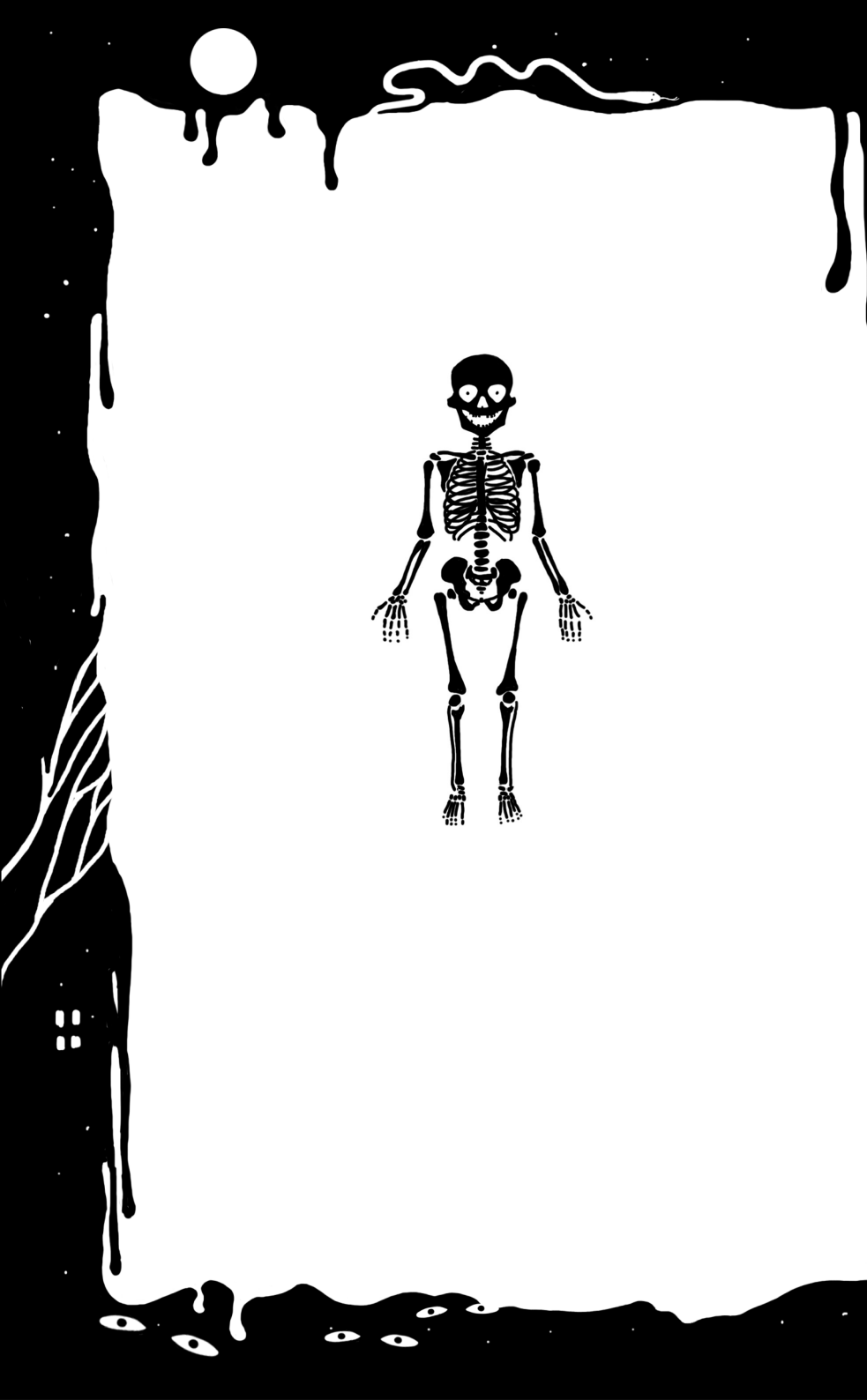
САМАЯ
СТРАШНАЯ
ДЕТСКАЯ
КНИГА

Марина Крамская

**КОШМАР
В КАБИНЕТЕ
ХИМИИ**

Москва
Издательство АСТ
 АСТРЕЛЬ СПб
2025

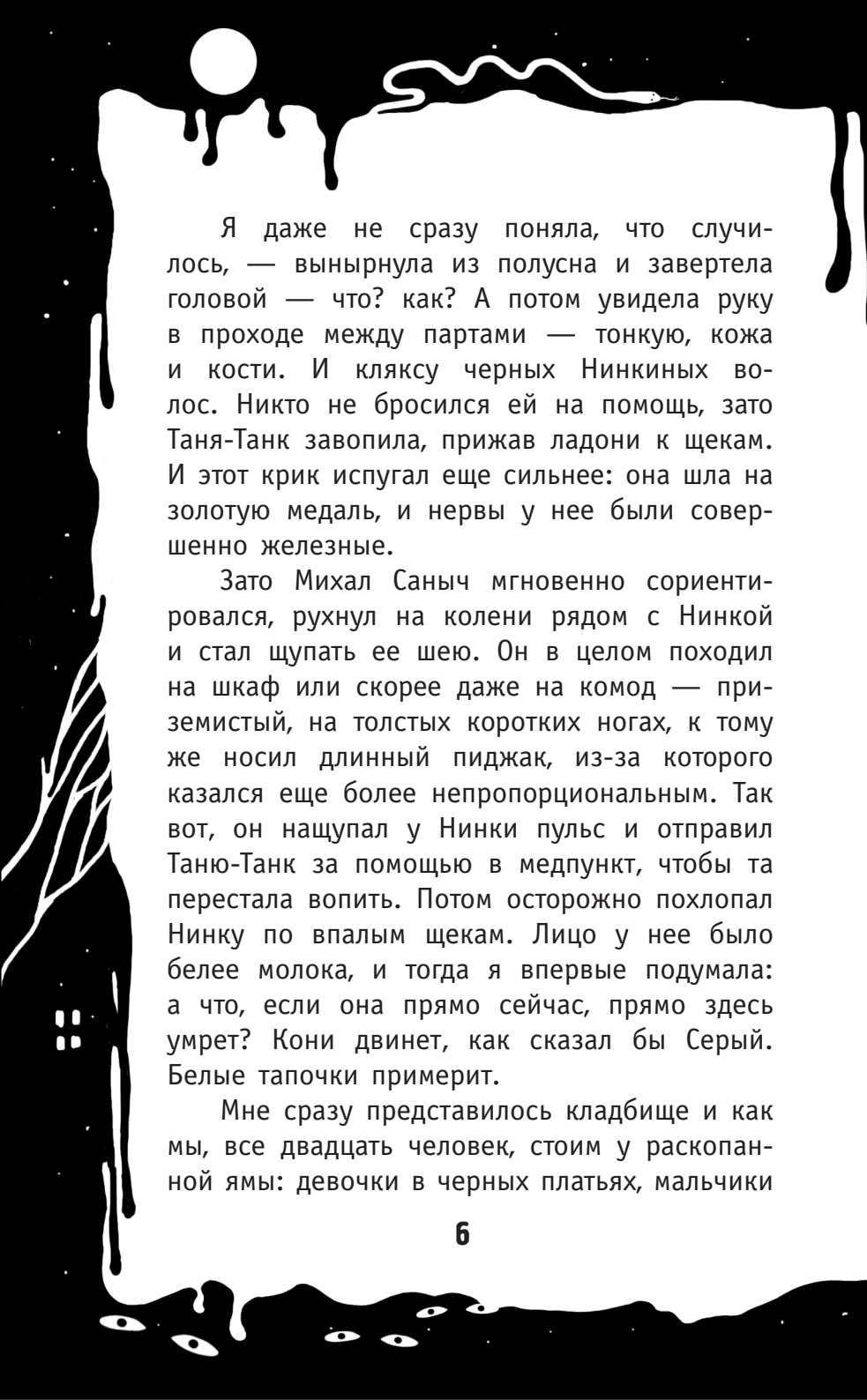
A stylized, high-contrast black and white illustration of a tree on the right side of the page. The tree's trunk and branches are white against a black background. A large, single eye is visible on the trunk, and two smaller eyes are at the top of the frame. The overall style is graphic and somewhat abstract.

I

В последний учебный день перед весенними каникулами мы надеялись, что Михал Саныч — наш химик и классный руководитель — отпустит нас пораньше. И он отпустил. Но не по доброте душевной, а потому что Нинка хлопнулась в обморок.

Она всегда была тощей как щепка, ни одной выпуклости на теле, на месте живота — впадина, только нос клином топорщился посередине лица. Никому она не нравилась: закладывала нас направо и налево, девчонки ее даже побить хотели, но я их отговорила. Не струсил, нет, просто Нинка бы снова на-ябедничала, и ничего бы они не добились. Да и жаль ее стало.

Так вот, шел урок химии. Ну как шел — тянулся жвачкой, от асфальта к подошве. Михал Саныч объяснял нам задание на каникулы, а я чертила на полях «косичку». В лампе над головой бился то ли мотылек, то ли муха, тихо постукивая о плафон крыльями. «Косичка» уже дотянулась до последней клетки, когда раздался жуткий грохот.

Я даже не сразу поняла, что случилось, — вынырнула из полусна и завертела головой — что? как? А потом увидела руку в проходе между партами — тонкую, кожа и кости. И кляксу черных Нинкиных волос. Никто не бросился ей на помощь, зато Таня-Танк завопила, прижав ладони к щекам. И этот крик испугал еще сильнее: она шла на золотую медаль, и нервы у нее были совершенно железные.

Зато Михал Саныч мгновенно сориентировался, рухнул на колени рядом с Нинкой и стал щупать ее шею. Он в целом походил на шкаф или скорее даже на комод — приземистый, на толстых коротких ногах, к тому же носил длинный пиджак, из-за которого казался еще более непропорциональным. Так вот, он нащупал у Нинки пульс и отправил Таню-Танк за помощью в медпункт, чтобы та перестала вопить. Потом осторожно похлопал Нинку по впалым щекам. Лицо у нее было белее молока, и тогда я впервые подумала: а что, если она прямо сейчас, прямо здесь умрет? Кони двинет, как сказал бы Серый. Белые тапочки примерит.

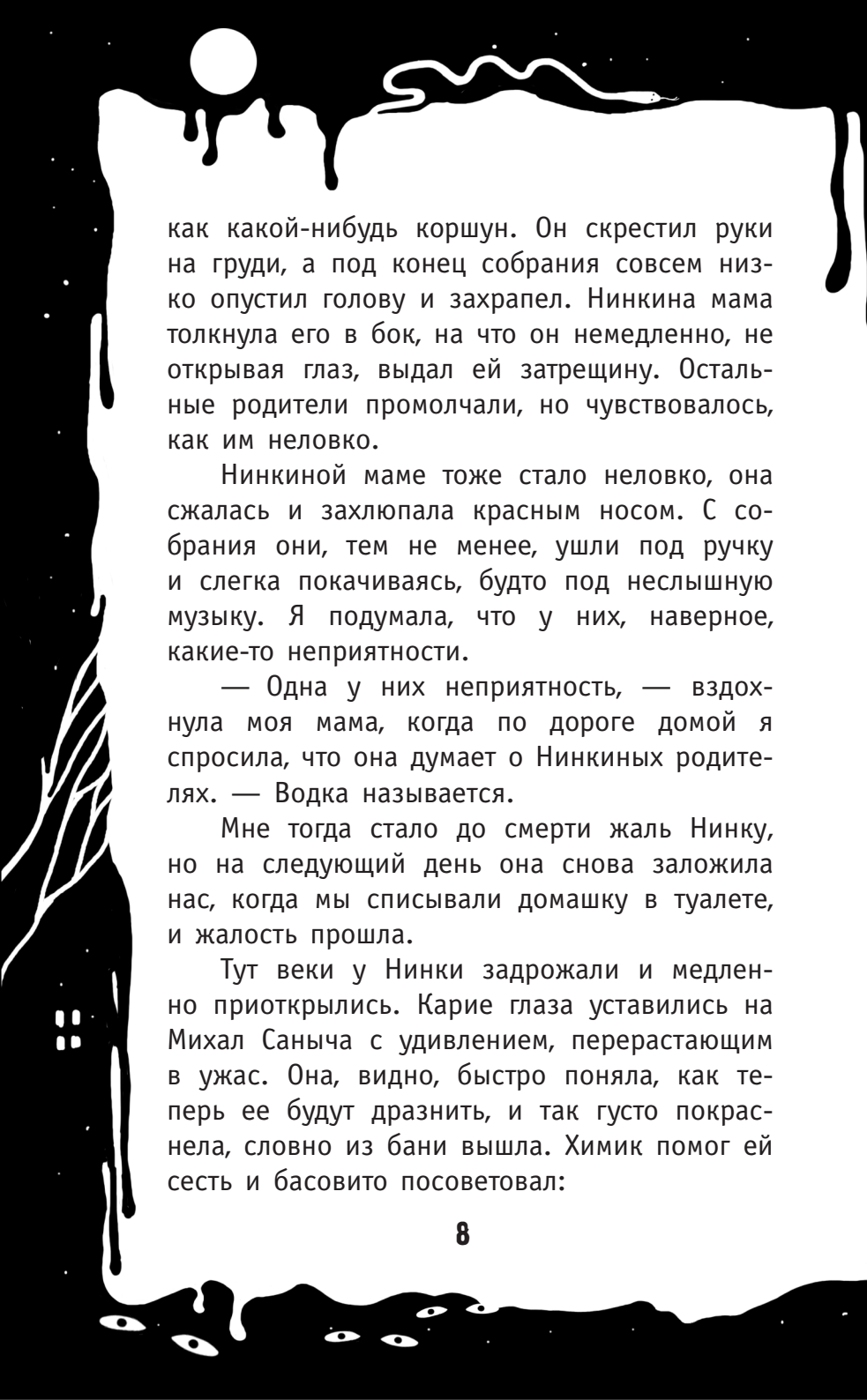
Мне сразу представилось кладбище и как мы, все двадцать человек, стоим у раскопанной ямы: девочки в черных платьях, мальчики

A stylized, high-contrast black and white illustration of a tree on the right side of the page. The tree's trunk and branches are white against a black background. A single, large, white eye is visible on the right side of the tree's trunk. At the top of the page, above the text area, there are two small, white, almond-shaped eyes looking down. At the bottom right, near the base of the tree, there are two small, white, rectangular shapes that look like windows or doors.

держат черные зонты, и седой пастор читает прощальную речь. По крайней мере, именно так всегда происходило в моих любимых сериалах. А потом мы плачем навзрыд и виним себя в смерти Нинки. Пусть она ябедничала, пусть ни с кем не дружила, но ведь она ЧЕЛОВЕК, и мы должны были ей помочь. А что, если и вправду кого-то из нас обвинят? Что, если найдут ее дневник и выяснится: это мы, мы все виноваты? Такое я тоже видела в сериале, и мне бы страх как не хотелось оказаться убийцей.

Все эти мысли варились и закипали в моей голове, пока голова Нинки на тонкой шейке моталась из стороны в сторону от пощечин Михал Саныча. От нее прямо-таки веяло могильным холодом. Конечно, мы не любили ее, презирали, а порой и ненавидели, но представить, что Нинка больше не посмотрит на нас, не наябедничает... Ох, что будет!

А ее родители? Я их видела на собрании, когда Михал Саныч разрешил мне присутствовать, как взрослой. От Нинки пришли и мама, и папа. У мамы было опухшее лицо, будто она долго плакала, красные глаза, и она беспрестанно терла кончик носа, отчего тот тоже покраснел. Папа смотрел исподлобья, мрачно,

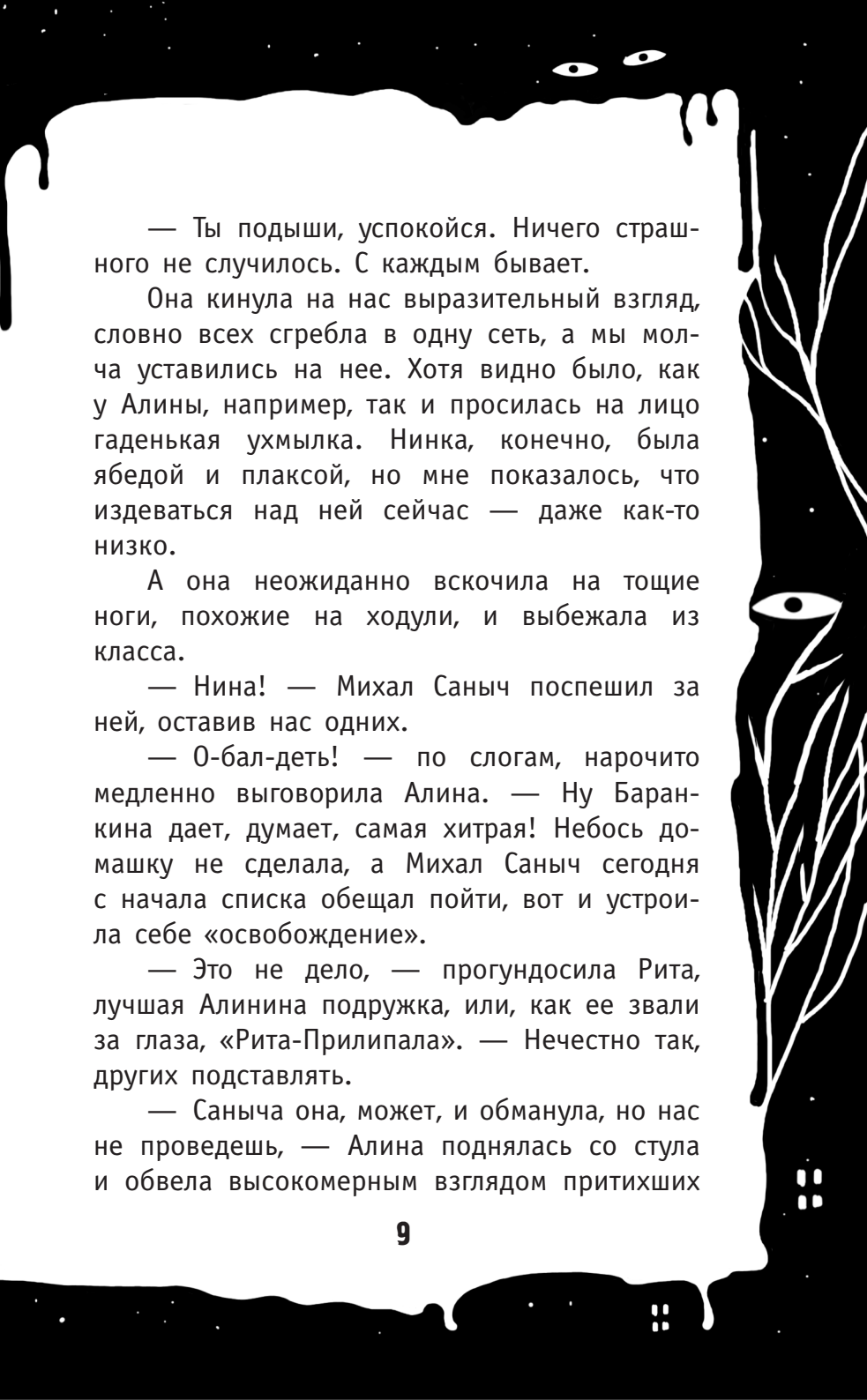
как какой-нибудь коршун. Он скрестил руки на груди, а под конец собрания совсем низко опустил голову и захрапел. Нинкина мама толкнула его в бок, на что он немедленно, не открывая глаз, выдал ей затрещину. Остальные родители промолчали, но чувствовалось, как им неловко.

Нинкиной маме тоже стало неловко, она сжалась и захлюпала красным носом. С собрания они, тем не менее, ушли под ручку и слегка покачиваясь, будто под неслышную музыку. Я подумала, что у них, наверное, какие-то неприятности.

— Одна у них неприятность, — вздохнула моя мама, когда по дороге домой я спросила, что она думает о Нинкиных родителях. — Водка называется.

Мне тогда стало до смерти жаль Нинку, но на следующий день она снова заложила нас, когда мы списывали домашку в туалете, и жалость прошла.

Тут веки у Нинки задрожали и медленно приоткрылись. Карие глаза уставились на Михал Саныча с удивлением, перерастающим в ужас. Она, видно, быстро поняла, как теперь ее будут дразнить, и так густо покраснела, словно из бани вышла. Химик помог ей сесть и басовито посоветовал:

— Ты подыши, успокойся. Ничего страшного не случилось. С каждым бывает.

Она кинула на нас выразительный взгляд, словно всех сгребла в одну сеть, а мы молча уставились на нее. Хотя видно было, как у Алины, например, так и просилась на лицо гаденькая ухмылка. Нинка, конечно, была ябедой и плаксой, но мне показалось, что издеваться над ней сейчас — даже как-то низко.

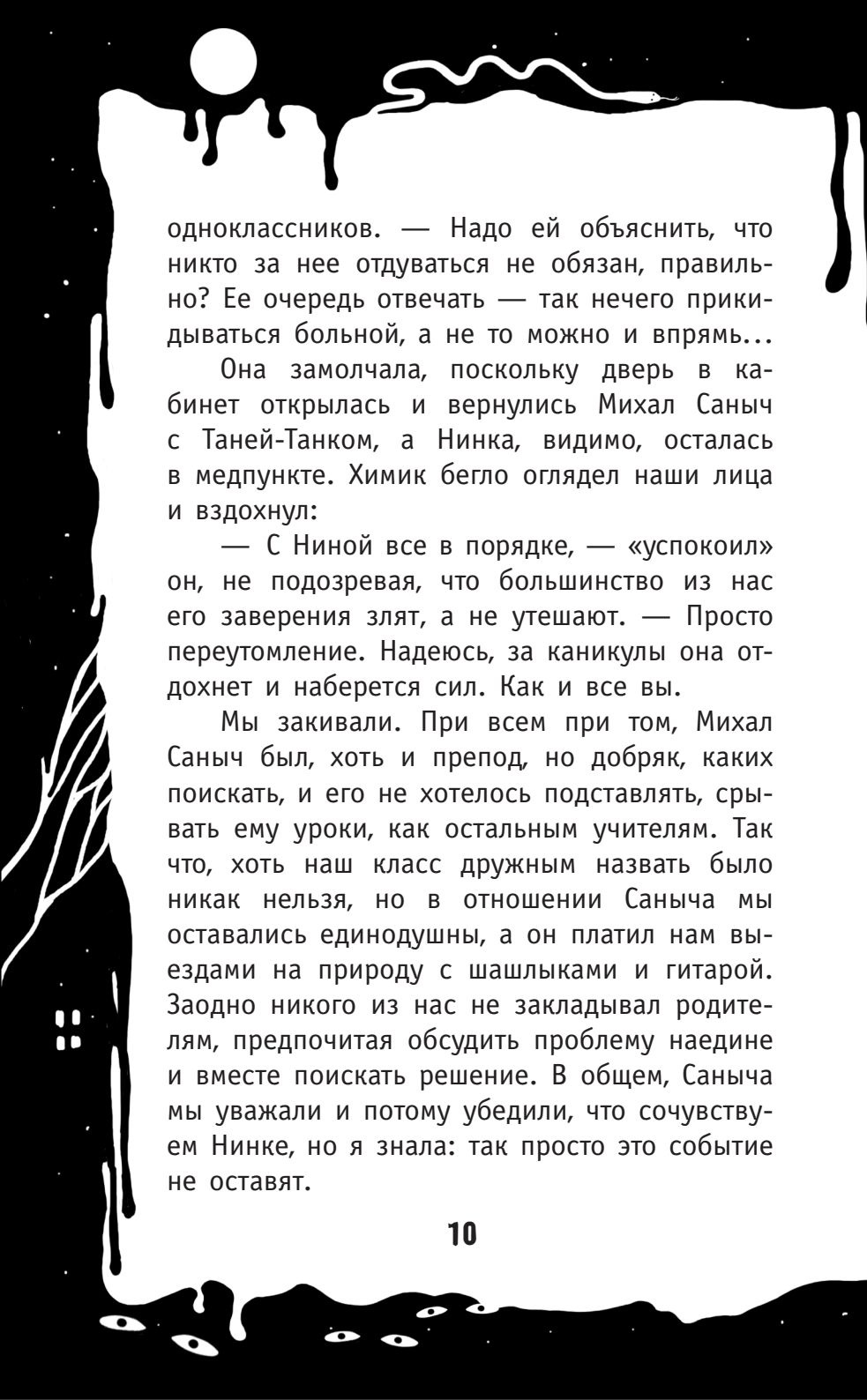
А она неожиданно вскочила на тощие ноги, похожие на ходули, и выбежала из класса.

— Нина! — Михал Саныч поспешил за ней, оставив нас одних.

— О-бал-деть! — по слогам, нарочито медленно выговорила Алина. — Ну Баранкина дает, думает, самая хитрая! Небось домашку не сделала, а Михал Саныч сегодня с начала списка обещал пойти, вот и устроила себе «освобождение».

— Это не дело, — прогундосила Рита, лучшая Алинина подружка, или, как ее звали за глаза, «Рита-Прилипала». — Нечестно так, других подставлять.

— Саныча она, может, и обманула, но нас не проведешь, — Алина поднялась со стула и обвела высокомерным взглядом притихших

одноклассников. — Надо ей объяснить, что никто за нее отдуваться не обязан, правильно? Ее очередь отвечать — так нечего прикидываться больной, а не то можно и впрямь...

Она замолчала, поскольку дверь в кабинет открылась и вернулись Михал Саныч с Таней-Танком, а Нинка, видимо, осталась в медпункте. Химик бегло оглядел наши лица и вздохнул:

— С Ниной все в порядке, — «успокоил» он, не подозревая, что большинство из нас его заверения злят, а не утешают. — Просто переутомление. Надеюсь, за каникулы она отдохнет и наберется сил. Как и все вы.

Мы закивали. При всем при том, Михал Саныч был, хоть и препод, но добряк, каких поискать, и его не хотелось подставлять, срывать ему уроки, как остальным учителям. Так что, хоть наш класс дружным назвать было никак нельзя, но в отношении Саныча мы оставались единодушны, а он платил нам выездами на природу с шашлыками и гитарой. Заодно никого из нас не закладывал родителям, предпочитая обсудить проблему наедине и вместе поискать решение. В общем, Саныча мы уважали и потому убедили, что сочувствуем Нинке, но я знала: так просто это событие не оставят.

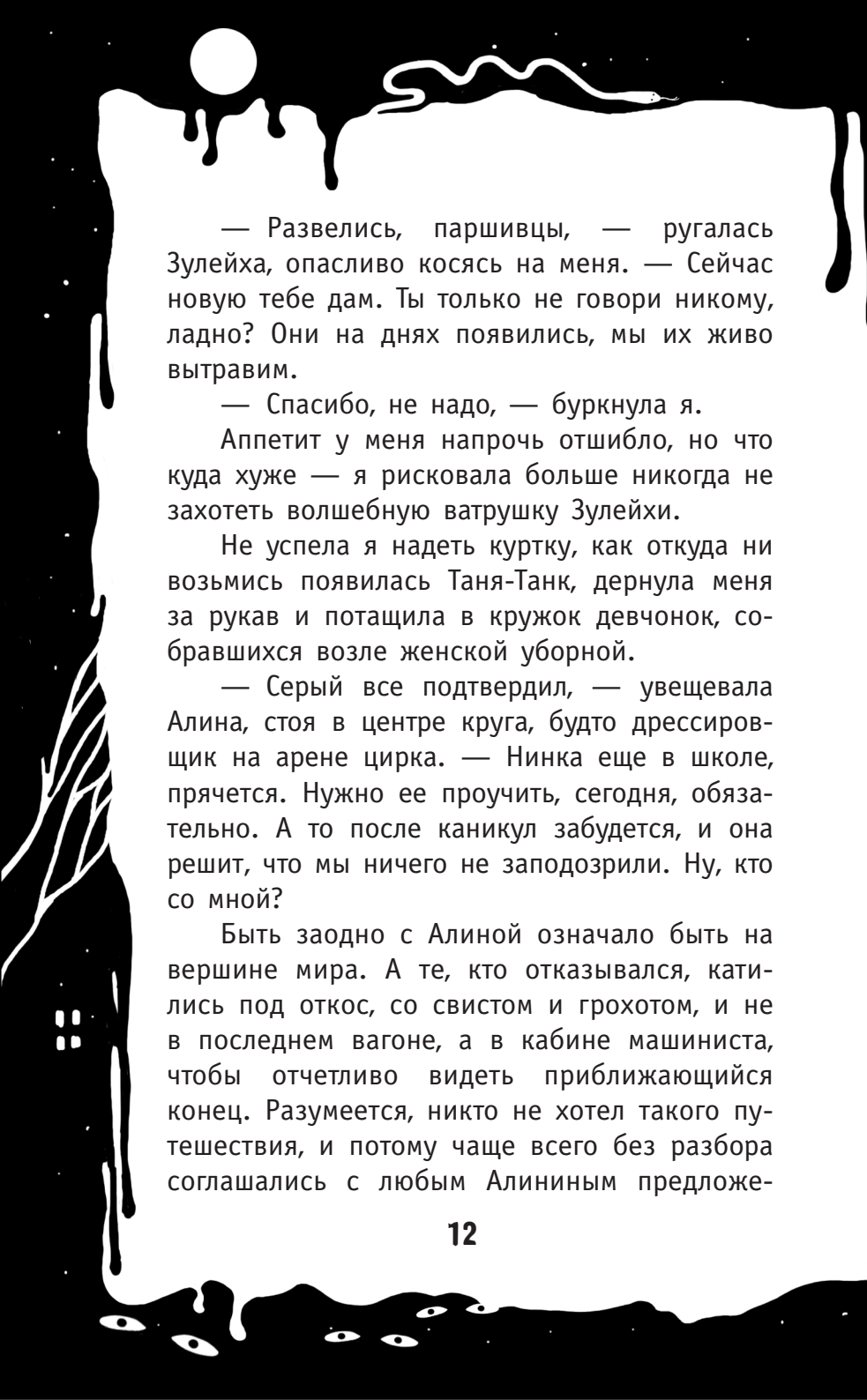
С урока нас отпустили, а я, повеселев и даже как-то забыв о Нинке, спустилась в столовую за последней на ближайшую неделю ватрушкой — наша повариха Зулейха пекла их так, что можно было проглотить три подряд и не заметить. Столы пустовали, последний урок еще не закончился, так что я, получив заветную ватрушку и доброе напутствие Зулейхи, села в дальнем углу.

Ватрушка лежала на сколоте по краям блюдце, румяная, с запекшимся кружком творога по центру и капелькой малинового варенья сверху. Сглатывая слюну, я полезла в портфель за салфетками, протерла руки и приготовилась вкусить райское блюдо, как тут же с визгом подскочила на ноги.

На вершине, прямо на малиновом пятне невозмутимо потирал лапки здоровенный рыжий таракан. Его длинные усы мягко колебались, а две пары ног увязли в варенье. Я схватила в охапку рюкзак и отскочила на добрые пару метров от стола.

— Что такое? — тут же примчалась на мой вопль Зулейха. — Ай-я-яй! Негодяй какой! А ну пшел, пшел, кому говорят!

Таракан лениво отклеился от ватрушки и, оставив след из красных липких бусинок, как ни в чем не бывало скрылся под столом.

— Развелись, паршивцы, — ругалась Зулейха, опасливо косясь на меня. — Сейчас новую тебе дам. Ты только не говори никому, ладно? Они на днях появились, мы их живо вытравим.

— Спасибо, не надо, — буркнула я.

Аппетит у меня напрочь отшибло, но что куда хуже — я рисковала больше никогда не захотеть волшебную ватрушку Зулейхи.

Не успела я надеть куртку, как откуда ни возьмись появилась Таня-Танк, дернула меня за рукав и потащила в кружок девчонок, собравшихся возле женской уборной.

— Серый все подтвердил, — увещевала Алина, стоя в центре круга, будто дрессировщик на арене цирка. — Нинка еще в школе, прячется. Нужно ее проучить, сегодня, обязательно. А то после каникул забудется, и она решит, что мы ничего не заподозрили. Ну, кто со мной?

Быть заодно с Алиной означало быть на вершине мира. А те, кто отказывался, катились под откос, со свистом и грохотом, и не в последнем вагоне, а в кабине машиниста, чтобы отчетливо видеть приближающийся конец. Разумеется, никто не хотел такого путешествия, и потому чаще всего без разбора соглашались с любым Алининым предложе-

нием, опасаясь ее дружков. О них мы знали немного, но достаточно, чтобы не лезть на рожон. Старшеклассники, на уроках физкультуры они часто зависали на турниках, подтягивались, отжимались и демонстрировали всем желающим и нежелающим свою силу. Таким попадешься и пиши пропало, сломают надвое, как ветку какую-нибудь, и ничего не докажешь, только хуже сделаешь.

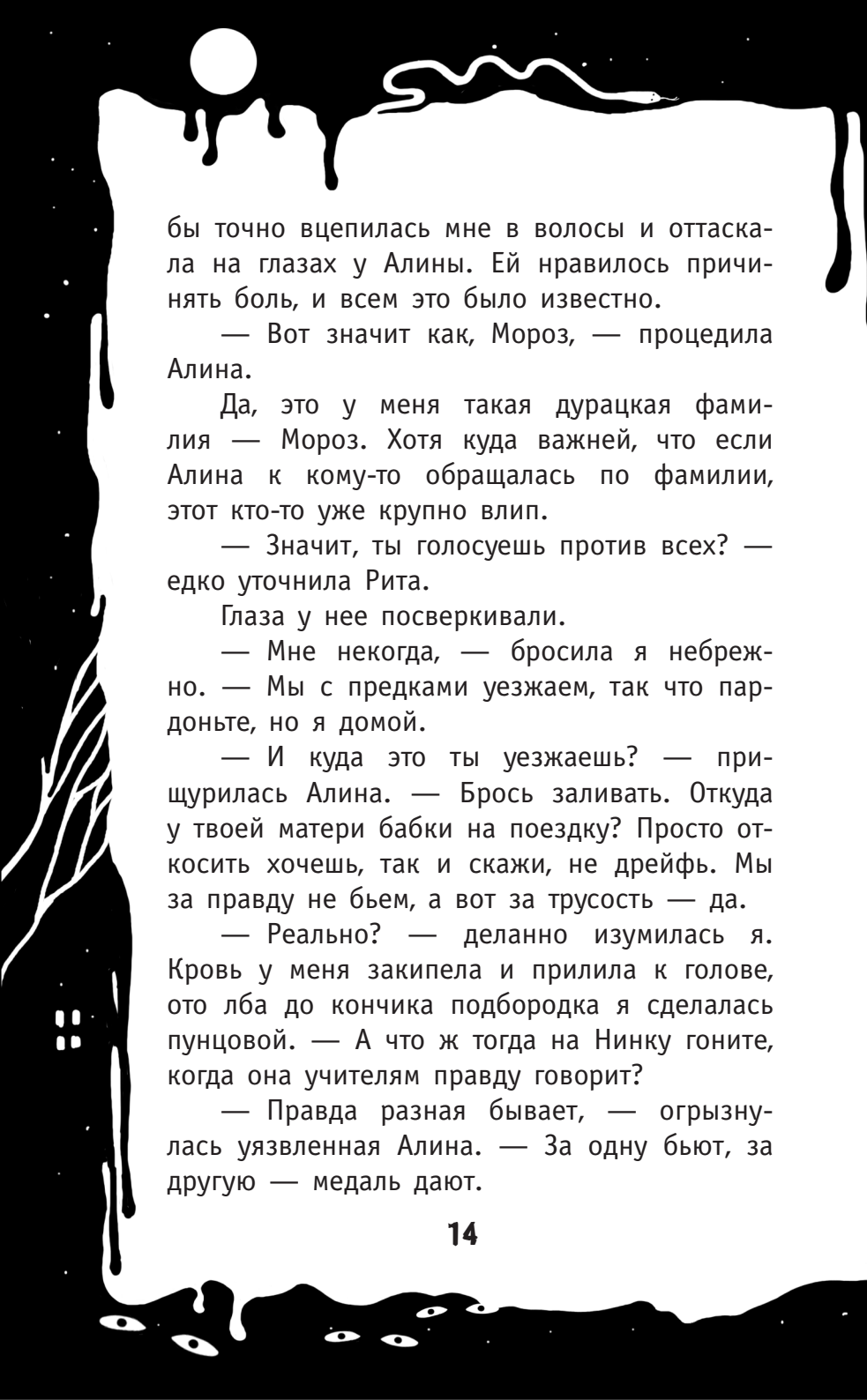
Девочки принялись рьяно вскидывать руки. Все как одна — никто не хотел выпасть из этого тесного кружка и оказаться по Нинкину сторону баррикад. Риткиным взглядом из-за Алининой спины можно было выжигать по дереву, будто если бы она заметила, что чья-то рука дрожит от неуверенности, этот кто-то стал бы в очередь на расстрел за Нинкой. Она была Алининым «Санчо Панса» и вела для нее блокнот со списком всех когда-либо провинившихся.

— А ты? — грозно обратилась она ко мне.

Я оглядела круг — частокол поднятых рук. В нем зияла лишь одна дыра. И этой дырой была моя рука.

— А я пас, — ответила я Рите.

Лицо у нее так противно исказилось, как у рычащего дворового пса. Будь ее воля, она

бы точно вцепилась мне в волосы и оттаскала на глазах у Алины. Ей нравилось причинять боль, и всем это было известно.

— Вот значит как, Мороз, — процедила Алина.

Да, это у меня такая дурацкая фамилия — Мороз. Хотя куда важней, что если Алина к кому-то обращалась по фамилии, этот кто-то уже крупно влип.

— Значит, ты голосуешь против всех? — едко уточнила Рита.

Глаза у нее посверкивали.

— Мне некогда, — бросила я небрежно. — Мы с предками уезжаем, так что пардоньте, но я домой.

— И куда это ты уезжаешь? — прищурилась Алина. — Брось заливать. Откуда у твоей матери бабки на поездку? Просто откосить хочешь, так и скажи, не дрейфь. Мы за правду не бьем, а вот за трусость — да.

— Реально? — деланно изумилась я. Кровь у меня закипела и прилила к голове, ото лба до кончика подбородка я сделалась пунцовой. — А что ж тогда на Нинку гоните, когда она учителям правду говорит?

— Правда разная бывает, — огрызнулась уязвленная Алина. — За одну бьют, за другую — медаль дают.

— Мне плевать, — рявкнула я, выйдя из круга под изумленные взгляды одноклассниц. — У меня правда одна, моя собственная. А вы делайте, что хотите.

— Ох и пожалеешь ты об этом, — прошипела мне в спину Рита. — Еще придешь прощения просить!

Я, не оборачиваясь, показала через плечо неприличный жест из трех пальцев и, сгорая от злости, зашагала через вестибюль на выход.

Что они мне сделают? Да ничего! Сплошная болтовня, а до дела не дойдет. Конечно, не стоило с ними так уж ругаться, но им тоже не нужно было трогать мою семью. Не их собачье дело, куда и на какие деньги мы едем. Тем более, на самом деле мы действительно никуда не уезжаем, а я все придумала, чтобы не участвовать в травле Нинки. Ничего, мы еще поквитаемся. Я выберу подходящий момент и напомню Алине, как однажды увидела в раздевалке синяки у нее на руках и спине, будто ее палкой колотили. Тогда я ее пожалела, да и она так умоляюще смотрела, но теперь прошло время сочувствия.

Как известно: кто к нам с мечом, тому мало не покажется.